

Наталия САЦ

Я до сих пор как-то не до конца верю, что Михаила Ефимовича Кольцова уже нет, и для меня вызвать его образ, вспоминая наши встречи, — почти радость...

Первую встречу с Михаилом Кольцовым помню так ярко, как будто она была вчера, хотя это было уже очень давно — в двадцатые годы.

Рожденный Октябрьской революцией, Московский театр для детей переживал тогда ясельную пору своего существования. Почва то и дело уходила из-под слабых ножек этого «младенца».

Помню, еле добралась для детского театра помещения на Тверской «по совместительству» с кино «Арс»: мы — с утра до пяти вечера, они — с вечера до ночи.

Времена были трудные — разруха, а театр для детей — дело совсем новое, дотационное, для многих не до юнца понятное — могли и «отложить» его на неопределенное время. В те годы ничего страшнее этой мысли для меня не существовало, а потому я неустанно искала новые и новые «точки опоры», искала театру сильных друзей.

Но работники «Арса» тоже не дремали — всячески доказывали, что детский театр надо выселить из здания, которое они считали своим.

Помню, наш спектакль «Будь готов» уже кончился, ребята, громко обмениваясь впечатлениями, надевали свои пальтишки. Какую радость уносили они домой после спектакля! Их смех, казалось, еще звучал где-то в воздухе, а администратор кино уже торопил уборщицу, бросал на меня уничтожающие взгляды, ядовито повторял:

— После этих «деток» сутки надо помещение в порядок приводить.

Я ничего не ответила и вышла на улицу. Скромная медная вывеска «Московский театр для детей» была тяжело придавлена грандиозной рекламой столичного кино. Зазвонно блестяли разноцветные электрические лампочки, на грандиозных плакатах Присцилла Дин улыбалась во весь рот, показывая многочисленные острые зубы. Зубастая кинозвезда и администратор вдруг слились в моем воображении в одно коварное существо. «Проглотят», — подумала я и решила, что идти домой нельзя. Но... Куда идти? Уже вечер... Была осень. Капал дождь. Машинально перешла на другую сторону. Прошла несколько шагов по направлению к Страстной площади и машинально прочитала: редакция газеты «Правда». В голове мелькнула какая-то недодуманная мысль, и я пошла к входу — он был со двора.

Ясно помню большую серую лестницу. Пошла по ней кверху очень медленно. Я никогда там не знала.

Сотрудники «Правды» выходили из коридоров, переходили с одного этажа на другой. Каждый знал, куда и зачем идет. Ясный ритм, собранность движений резко отличали этих людей от меня. Я даже остановилась на ступеньке и вдруг услышала сзади два голоса:

— Он все поймет, — говорил задорно молодой женский голос.

— А может, неловко беспокоить? — возражал голос женщины постарше.

— Как это не стоит? — настаивал первый голос. — На то и «Правда», чтобы помогать бороться за правду. Михаил Кольцов все в момент поймет. Вот увидишь.

Второй голос не успел ничего ответить, так как первый вдруг закричал ликующе:

— А вон и он сам, видишь?

Женщины устремились кверху с такой порывистостью, что чуть не сшибли меня с ног. Я подняла голову. На площадке верхнего этажа стоял молодой мужчина в больших роговых очках и, опершись о перила, смотрел вниз. Темные волосы на косо пробран, орлиный нос, веселые, чуть капризные губы, а ростом маленький. «Как перочинный ножичек», — подумала я. Неужели это и есть Михаил Кольцов? Сколько раз слышала около нашего газетного kiosка: «Сегодня опоздали. «Правды» не достанете: фельетон Михаила Кольцова — газету в момент расхватали».

Я снова посмотрела наверх. Кольцов разговаривал с незнакомыми женщинами так просто и приветливо, как будто был с ними давно знаком. Та, что постарше, открыла портфель, передала ему какие-то бумаги, он взял их, простился и направился по коридору влево. Он был хорошо сложен, но левую ногу как-то смешно ставил внутрь. Я подумала, что имя Миша ему очень подходит, даже если написать его с маленькой буквы: миша-медвежонок. И мне стало ясно, что идти надо именно к нему. Без труда нашла комнату с дощечкой на дверях: «Кольцов Михаил Ефимович». Вошла все же не сразу. Он — знаменитость, а я — неизвестно

кто. Может, повернуть назад? Ведь и дела-то конкретного у меня к нему не было. Все же взялась за ручку двери и открыла ее.

Комната была небольшая. За столом у окна Кольцов, кулаком подперши голову, читал какие-то бумаги. Он читал с таким интересом, с каким говорят с дорогим человеком, видя его лицо, ощущая характер. Но, очевидно, услышав мои шаги, поднял голову. За роговыми очками блеснули глаза.

— Простите, я ненадолго, — оставаясь в дверях, пролепетала я.

Он улыбнулся:

— Проходите, садитесь. Если не ошибаюсь, вы Наташа Сац?

Я ошарашена от неожиданности.

— Разве... Откуда... вы меня знаете?

— А я журналист. Как кто что новое задумает, я тут как тут — обязан знать. А отстал от жизни, уже не журналист. — Он засмеялся очень весело. И добавил, когда я уже села: — Ну как, с театром для будущих коммуняток получается или не очень?

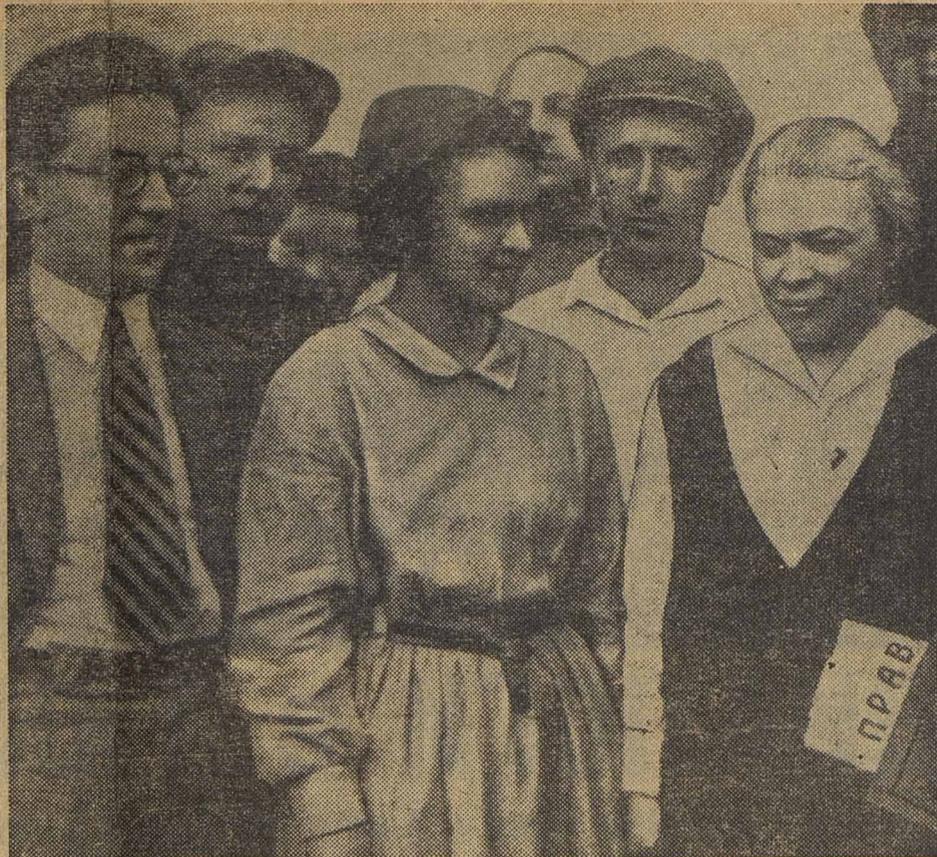
Как легко и просто можно было с ним разговаривать! Как ярко и глубоко умел он воспринимать собеседника, интересоваться всеми его интересами! Слушая о наших трудностях, Кольцов сказал:

— Сила привычки — страшная сила. Обыватель упрям, нового не любит, а остатки обывательщины сразу не вытравишь. Только... разрушить это дело им не удастся.

Помню, Михаила Ефимовича очень интересовало, что мы показываем детям, наш репертуар.

Инсценировать знакомые сказки и рассказы ему не казалось правильным.

— Писатель сам находит форму для

М. И. Ульянова и М. Е. Кольцов (крайний слева) в группе делегатов III Всесоюзного совещания рабселькоров. Июнь 1926 г.

ТАКИМ БЫЛ МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

Страницы воспоминаний

задуманного содержания. Инсценированный кем-то рассказ — еще не полноценная пьеса. А потом... — Кольцов как-то совсем по-детски улыбнулся. — Инсценировки напоминают мне книжки с бедными по выдумке, плохими картинками. Помню, мама в детстве прочла мне какую-то волшебную сказку, и сколько интересного, слушая ее, я себе нафантазировала! Потом мама дала мне посмотреть картинки, и я... заревел от досады. В моем воображении эта сказка была куда интереснее, чем на картинках этого художника. Эти картинки не расширяли, а обрезали крылья моей фантазии. Я думаю, показ на сцене того, что ребенок уже читал в книжке, — не лучший путь. Ребенок не допускает изменений и сокращений в литературных произведениях, которые он уже знает и полюбил, — в инсценировке это неизбежно.

Видя меня в первый раз и в первый раз, как он сам сказал, размышляя о путях детского театра, Михаил Ефимович говорил мне такие ценные и важные для меня вещи, что я совсем забыла о времени. Но пришли железнодорожники, и он так же горячо «помчался по рельсам» их дел.

Я пошла домой, и уверенность, что все будет хорошо, пела во мне. Пусть он ничего не обещал — я ничего и не просила. Но сколько миров он носит в своем сердце! Как действительно, талантливо умеет бороться за все хорошее, а если это так, ничьи зубы мне не страшны.

Прошло 3 — 4 недели, и, выйдя на сцену, чтобы сказать детям, как всегда, вступительное слово перед спектаклем, я вдруг, к удивлению своему, заметила Михаила Кольцова среди ребят. Только он так же неожиданно исчез, как и появился в нашем театре.

Месяца через два я заметила его среди ребят в конце спектакля на балконе, но у меня было впечатление (и оно потом подтвердилось), что ему тогда ни с кем из нас не хотелось разговаривать.

Но однажды Михаил Ефимович пришел к нам на репетицию. Мы ставили пьесу С. Заяцкого, специально для нас написанную, пьесу из жизни беспризорных. Пьеса и ее исполнение молодыми артистами понравились Михаилу Ефимовичу:

— Это уже что-то. Свое.

Как режиссер спектакля, тогда еще совсем молодой, я выключилась из всех дел — этот спектакль стал всей моей жизнью. Но когда он уже пошел, насколько администраторов кино стали особенно мучительными. Новый спектакль не только говорил о беспризорниках, но и был

обращен к беспризорникам: тогда их было много — грязные, оборванные, из детских домов убегали... Спектакль этот им не только очень нравился, он действительно помогал их организовать. Мы были в восторге, что многие из беспризорников приходили смотреть этот спектакль по нескольку раз, — администратор «Арса» отнюдь не разделял наших восторгов.

Кино в центре города «зашибало денегу», а мы бесплатно и по двугривенному пускали беспризорных и школьников. Работники «Арса» везде и всюду кричали, что мы своим «контингентом зрителей» подрываем посещаемость комфортабельнейшего кинотеатра столицы. На мою «деятельность» поступали многочисленные жалобы, я отбивалась то здесь, то там, ходила мрачная, озабоченная. Недруги уже почти добились победы — кто-то доверительно сообщил мне, что есть проект слить два детских театра в один, «освободить» кино «Арс».

И вот как-то рано утром я пошла к высшему начальству, пошла без чая, даже не посмотрев утренних газет. Ждать приема мне пришлось гораздо меньше, чем предполагала. И все-таки начальник встретил меня... с поздравлениями. Он пожал мне руку, приветливо улыбнулся и сказал:

— Читал, читал. Рад успехам детского театра. Такой фельетон в «Правде» — это уже этап в жизни детского театра. Сам Михаил Кольцов пишет — не шутка.

Ничего не понимая, я потянулась к «Правде», которая лежала на его столе. Все закружилось перед глазами, когда увидела огромный, чуть не во всю страницу фельетон и прочла: «Михаил Кольцов. «Дети смеются». Буквы скакали перед глазами... Пожалуй, за все время, которое существует детский театр, ничто из написанного не сыграло такой роли в его жизни, как этот фельетон Михаила Кольцова, напечатанный в 1927 году. И это было тем более радостно, что я ни о чем не просила, не смела просить Михаила Ефимовича. Он сам понял сердцевину наших трудностей и написал так горячо, талантливо, с юмором и горечью, с пафосом подлинного строителя, так увлекательно, как только он умел, написал большим сердцем патриота-журналиста, который хочет и умеет помочь новому, но пока еще слабенькому встать на сильные ноги. И он очень, очень нам помог. В последующие годы пути и тропинки его и моей жизни стали часто скрещиваться. Как известно, он основал журнал «Огонек», основал и издательство «Жургазобъединение». В «Женском журнале» ввел специальный отдел,

обращенный к родителям, и журнал-приложение, обращенный к детям, — «Детский уголок». Он пригласил меня быть там редактором — я охотно согласилась, так как получила возможность чаще с ним разговаривать. Как это было всегда ново и интересно! Он всегда горел новыми и новыми идеями, его огонек всегда зажигал замечательные нужные дела, в вечном горении был и он сам. У него была какая-то первозданная свежесть восприятия. Удивительная способность воспринимать все окружающее, я бы сказала, самой сердцевинкой своего творческого сердца. Нередко мы выходили из здания «Огонька» вместе и подолгу разговаривали, ходили по улицам Москвы.

Шли годы. Московский театр для детей пользовался все большим признанием и популярностью. Я стала режиссером, твердо шагала по избранному пути, с Михаилом Ефимовичем у меня были теплые дружественные отношения. И вдруг после постановки пьесы «Эмиль и его товарищи» я прочла неодобрительную рецензию в театральном журнале. Ругали за пьесу, за ее выбор, за то, что в течение двух актов дружка Эмиля — хорошие ребята — превращаются в детективов. Что-то не наше в этой пьесе было, но этого я тогда не понимала и решила просить помощи у Михаила Ефимовича, пошла в «Правду» твердой ногой, убежденная, что меня примут, выслушают, помогут...

Михаил Ефимович пришел минут за двадцать до спектакля в самом хорошем настроении шутил, смеялся. Первая картина ему очень понравилась — он поздравил меня с интересными режиссерскими находками, с восхищением говорил об оформлении художника В. Рындина, о К. Кореновой, которая играла роль Эмиля. Но потом он сделался сумрачным, глаза его исчезли где-то за стеклами очков и после конца, загребая левой ногой, он пошел к выходу, сказав мне только:

— А вы знаете, я согласен не с вами, а с рецензентом.

Спектакль этот вскоре мы с репертуара сняли (конечно, я несколько дней ревели, как говорится, белугой). Но интересно, что дружка наша от этого не только не потускнела, а стала еще глубже. Не мог же такой человек, как Михаил Кольцов, пойти против принципов, против своих убеждений, я это понимала и уважала.

Михаил Кольцов был не только замечательным журналистом, талантливейшим инициатором и организатором многого замечательного в советской печати, он был очень добрым человеком. Помню, как он усыновил немецкого мальчика Губерта, с какой любовью радовался его радости, когда Губерт стал москвичом, смог наслаждаться всеми теми же радостями, что и другие московские дети. Замечательная книга была написана по инициативе М. Кольцова — «Губерт в стране чудес».

Мне всегда казалось, что Михаил Ефимович тоже чувствовал себя живущим в стране чудес.

Он так любил свою Родину, так неустанно воспринимал все хорошее, творческое как чудо, так любил жизнь, а мысль его, его перо и деятельность были такими подвижными, динамичными, что, вспоминая о нем, я как-то не могу поверить, что человек такой жизненной силы уже не существует...